

УДК 801.73

DOI 10.52452/19931778_2021_6_212

ИДЕАЛЫ СВЯТОЙ РУСИ В АНТРОПОЛОГИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО: ОПЫТ ЛИНГВОФИЛОСОФСКОЙ ГЕРМЕНЕВТИКИ

© 2021 г.

С.Г. Павлов,^{1,2,3} С.Б. Королева³¹Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Н. Новгород²Нижегородский государственный педагогический университет им. К. Минина, Н. Новгород³Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова, Н. Новгород

sergeypavlov70@mail.ru

Поступила в редакцию 04.11.2021

Представлен опыт лингвогерменевтического анализа антропологических представлений Ф.М. Достоевского в контексте идеологии «Святая Русь». Материалом послужили художественные и публицистические тексты писателя. Методом исследования стала лингвогерменевтическая реконструкция, осуществляемая в широком социокультурном и биографическом контексте. Основные положения статьи заключаются в следующем: 1) наличное состояние человека определяется Достоевским как «недоделанность»; 2) *порядочный* человек не способен найти формулу личного и общественного счастья; 3) человек призван воплотить в своей жизни идеалы Святой Руси, чтобы стать новым существом; 4) только в состоянии богоподобия человек сумеет претворить идеи братства в жизнь.

Ключевые слова: Ф.М. Достоевский, «русская идея», идеалы «Святой Руси», языковая картина мира, концепт «человек», лингвистическая герменевтика, культурно-исторический и биографический контекст.

Введение. Постановка проблемы

Эффективным методом моделирования художественной реальности является описание ключевых концептов. Художественный концепт – это эстетическое отражение фрагмента реальной или вымышленной действительности, эксплицированное в тексте (текстах) конкретного автора. Художественный концепт в той или иной мере связан с общенациональным (культурным) концептом. Вместе с тем он несёт и индивидуальное, обусловленное спецификой конкретной языковой личности, содержание. Репрезентированное в языковых единицах и художественных образах, оно одновременно раскрывает объективные параметры описываемого феномена и его субъективное восприятие писателем. В силу этого художественный концепт может существенно отличаться от одноимённого культурного концепта.

Художественный концепт создается автором, но реконструируется при активном участии читателя (исследователя), на котором лежит полная ответственность за качество интерпретации. Признавая это обстоятельство, следует помнить, что любая модель художественного концепта будет лишь определённой аппроксимацией к авторскому концепту как ментальному образованию. Творчество писателя всегда в большей или меньшей степени обусловлено его

мировоззрением. Дискуссия по поводу православных взглядов Достоевского, начатая ещё при жизни писателя, в настоящее время продолжается. Мы исходим из той установки, что православное мировоззрение Достоевского определяет его художественное творчество и публицистику в столь сильной мере, что не учитывающая этого достоевистика значительно теряет в глубине толкования.

Православная церковная мысль, как в своих общеправославных темах (онтология, гносеология), так и в специальных (эксхиристология, сакраментология, сотериология) глубоко антропологична. В антропологическом плане художественная концепция Достоевского изоморфна Православию. Микротемы отдельного произведения и всего его творчества в целом стягиваются к человеку. Причём фокус внимания всегда направлен на внутренний мир человека, что по определению смещает любую проблему в область антропологии. Отправной точкой размышлений Достоевского о человеке служит мистическая сущность личности с её неотъемлемыми характеристиками – свободой воли и совести. Именно из неё исходит и концепция Святой Руси, своеобразно проявленная в его романном творчестве.

Восходящая ко времени язычества, идея Святой Руси в церковной редакции была впервые высказана в 1492 г. митрополитом Москов-

ским Зосимой в предисловии к его «Изложению Пасхалии». Более детально идея была раскрыта в 1524 г. монахом псковского Елеазарова монастыря Филофеем в послании великому князю Василию III. Попав в орбиту церковной мысли, идея Святой Руси доктринального оформления и канонической кодификации не получила. Она осталась, скорее, запросом души русского человека – запросом, стихийно-практически воплощающимся в его жизни и народном творчестве. Достоевский, следуя за русской народной этикой, артикулирует то, что в ней есть, так как это отвечает его представлениям о русском человеке, Православии и необходимости преобразования общества.

«Русская идея» Достоевского, формулируемая на основе его представлений о национально-религиозной специфике русского народа, устремлена, как широко известно, ко всемирному братству. Менее учтено то, что духовно-нравственным ядром русского национального характера у Достоевского являются идеалы Святой Руси: вера, любовь, смирение, терпение, нестяжательность, служение ближнему. И почти совсем без внимания исследователей остаётся наблюдаемая у Достоевского корреляция социально-политических форм жизни с типом духовно-нравственной конституции человека. Например, наиболее близкая по названию к заявленной проблематике статья Б.Н. Тарасова акцентированного выражения подобной корреляции практически лишена [1]. Новизна настоящей работы заключается в рассмотрении антропологических представлений Достоевского в рамках его историсофской концепции.

Цель статьи – описать индивидуально-авторский концепт Достоевского «человек» в контексте его представлений о цивилизационных типах и идеалах Святой Руси как культурно-религиозном источнике всемирного братства. Данная проблематика раскладывается на два вопроса: 1) каков человек в своей данности; 2) каким он должен быть для осуществления проекта всемирного братства.

Методологической базой исследования является филологическая герменевтика, совмещающая лингвистический анализ с литературоведческим исследованием биографического и эпистолярного материала. Филологический и философский характер исследования всё-таки даёт основания именовать его инструментарий как лингвистический. Во-первых, новизну представляет именно языковой аспект исследуемой проблематики, в то время как биографический материал хорошо известен. Во-вторых, все экстралингвистические сведения служат лишь информационным фоном и способом верификации лингвистического анализа.

Человек в русской культуре

В наивной этике русской языковой картины мира человеческие свойства и отношения выведены в качестве образцовых: (X) с человеческим лицом, поговорить по-человечески, обойтись (не) по-человечески, (бес)человечный и т.п. Более того, русская культура выработала философского масштаба мысль: человек есть существо надприродное – не биологией данное, а культурой становящееся. В русском языке бытует целый ряд выражений, свидетельствующих о подобной концептуализации человека: *стать человеком, потерять человеческий образ, выйти (выбиться) в люди, (не) похож на человека* и др. Рождённый человеком ещё не человек. В ребёнке как представителе вида *homo sapiens* заложены лишь человеческие потенции. В сущностном смысле понятие «человек» описывается в терминах духовно-нравственной сферы. При отсутствии этих специфических качеств человеческий статус теряется.

Высшее человеческое достоинство проявляется в самоограничении и жертвенной взаимопомощи. Выражение *будь человеком* предваряет просьбу о помощи апелляцией к совести и отказу от личной выгоды. Его содержание описывается примерно следующим образом: «Я понимаю, что сейчас тебе крайне невыгодно участвовать в моих делах, но мы же люди, поэтому я прошу тебя пожертвовать собой и помочь мне». У Достоевского это выражается так: «Самовольное, совершенно сознательное и никем не принуждённое самопожертвование всего себя в пользу всех есть, по-моему, признак высочайшего её (личности. – С.П., С.К.) могущества, высочайшего самообладания, высочайшей свободы собственной воли» («Зимние заметки о летних впечатлениях») [2, т. 5, с. 79].

Понимание человека у Достоевского во многом сходно с общенациональными интуициями, отражёнными в русской языковой картине мира. Слово *человек* он иногда употребляет с семантическим приращением, свойственным, как было показано, и национальному языку: «Сделаться человеком нельзя разом, а надо выделяться в человека» [2, т. 25, с. 47]; «Подле меня будут люди, и быть *человеком* (курсив автора. – С.П., С.К.) между людьми и остаться им навсегда, в каких бы то ни было несчастьях, не уныть и не пасть – вот в чём жизнь» [2, т. 28, кн. 1, с. 162]. Однако содержание концепта «человек» у Достоевского не вполне совпадает с культурным концептом.

В 1838 г. юноша Достоевский в письме к брату излагает свой взгляд на человека: «Какое же противозаконное дитя человек; закон духов-

ной природы нарушен... Мне кажется, что мир наш – чистилище духов небесных, отуманенных грешною мыслию» [2, т. 28, кн. 1, с. 50]. Романтический образ ангела с больным сознанием довольно точно отражает христианское верование о природе человека и первородном грехе («закон духовной природы нарушен»). В дальнейшем знакомство с творениями Святых Отцов окажет решающее влияние на мировоззрение Достоевского – и в частности, на его антропологические представления. Христианская антропология во многом определит мысли и поэтику «великого пятикнижия».

Наличное состояние человека

Один из самых отталкивающих героев Достоевского князь Валковский размышляет: «Если б только могло быть..., чтоб каждый из нас описал всю свою подноготную, ... даже и то, в чём боится подчас признаться самому себе, – то ведь на свете поднялся бы тогда такой смрад, что нам бы всем надо было задохнуться» («Униженные и оскорблённые», 1861) [2, т. 3, с. 361]. Ужас в том, что циник, интриган и развратник Валковский прав: внутренняя жизнь любого человека свидетельствует о глубоком неблагополучии его природы. Через три года после романа «Униженные и оскорблённые» выходят «Записки из подполья», где в философии подпольного человека во всём своём своеволии и безобразии предстаёт обнажённая от социальных условностей падшая человеческая природа: «Свету ли провалиться, или вот мне чаю не пить? Я скажу, что свету провалиться, а чтоб мне чай всегда пить» [2, т. 5, с. 174].

И этот подпольный человек живёт в каждом: «Во всяком человеке, конечно, таится зверь, – зверь гневливости, зверь сладострастной распляемости от криков истязуемой жертвы, зверь без удержу...» – рассуждает перед Алёшей Иван Карамазов [2, т. 14, с. 220]. Позже фантомное alter ego Ивана сообщает ему: «Сатана sum et nihil humanum a me alienum puto» («Я сатана, и ничто человеческое мне не чуждо». – С.П., С.К.) [2, т. 15, с. 74]. Человек пребывает в иллюзии автономности и самовластия. Всё, что люди делают «сами», делается с подсказки дьявола, поэтому самостоятельно найти формулу личного счастья и справедливого общества им не удаётся.

В отдельной личности парадоксальным образом уживаются полярные начала. Объясняя конкретное уголовное преступление на политической почве, Достоевский поднимается на общечеловеческий уровень обобщения: «Вот в том-то и ужас, что у нас можно сделать самый

пакостный и мерзкий поступок, не будучи вовсе иногда мерзавцем! Это и не у нас одних, а на всём свете так, всегда и с начала веков» [2, т. 21, с. 131]. Рассуждая о совмещении человеком «идеала Содомского с идеалом Мадонны», Дмитрий Карамазов заканчивает: «Нет, широк человек, слишком даже широк, я бы сузил» [2, т. 14, с. 100]. Но вот это как раз и невозможно. Человек не сводится к сумме своих психофизических и социокультурных проявлений. В его природе коренится не просчитываемое иррациональное начало, предоставляющее ему бесконечное количество степеней свободы. В своей духовной жизни человек имеет возможность бесконечно двигаться в противоположные стороны, не встречая сопротивления собственной совести и тогда, когда движение очевидным образом направлено к отрицательному полюсу.

В итоге Достоевский приходит к несколько неожиданному выводу: по совести жить нельзя. Совести нужна контролирующая её инстанция, наделённая санкциями высшего авторитета: «Совесть без Бога есть ужас, она может заблудиться до самого безнравственного» [2, т. 27, с. 56]. Достоевский здесь перекликается со своим любимым святым – святителем Тихоном Задонским: «Совесть добрая согласна закону Божию» [3]. Комичной иллюстрацией «недоброй» совести является сцена с проституткой Дуклидой, на попрошайничество которой одна из её коллег замечает: «Я бы, кажется, от одной только совести провалилась» («Преступление и наказание») [2, т. 6, с. 123]. И уже настоящего трагизма исполнена разрешающая «кровь *по совести*» теория Раскольникова [2, т. 6, с. 202].

Историософская антропология Достоевского

Наличное состояние человека не устраивает и идеологов социализма, с которыми Достоевский ведёт постоянную полемику: «Социалисты хотят переродить человека, освободить его, представить его без Бога и без семейства. Они заключают, что, изменив насильно экономический быт его, цели достигнут. Но человек изменится не от внешних причин, а не иначе как от перемены нравственной» [2, т. 20, с. 171].

Достоевский исповедует противоположную философию. Не бытие определяет сознание, а наоборот: уровень развития человека обуславливает социально-экономический уклад общества. В историософской схеме Достоевского история начинается патриархальностью, продолжается цивилизацией и заканчивается христианством [2, т. 20, с. 194]. Для патриархального периода свойственно непосредственное переживание жизни и вера в авторитет масс. С

цивилизацией утрачивается непосредственное чувство и развивается рациональность, что приводит к осознанию личности как обособленной от других единицы. Гипертрофия идеи личности порождает неустранимое противоречие конфликта интересов: автономное сознание не в силах преодолеть самости и бескорыстно отдать себя другим.

На смену атомизированной, раздробленной на личности, цивилизации должно прийти христианство, которое есть «третья и последняя степень человека, но тут кончается развитие, достигается ... идеал» [2, т. 20, с. 194]. Но христианство – «это идеал будущей, окончательной жизни человека, а на земле человек в состоянии переходном. Это будет, но будет после достижения цели, когда человек переродится по законам природы окончательно в другую натуру» [2, т. 20, с. 173]. Достоевский видел конечное преобразование человека совершающимся по законам природы, но уже за пределами земной истории. Однако достичь необходимого для построения гармоничного общества уровня развития человек может и на земле. Об этом как о непреложной истине говорит старец Зосима, уповающий на то, что христианское общество когда-то преобразится «во единую вселенскую и владычествующую церковь. Сие и буди, буди, хотя бы и в конце веков, ибо лишь сему предназначено совершиться!» [2, т. 14, с. 61].

Ранее достижения этого уровня Достоевский отрицает саму возможность благотворного влияния на общество через внешние средства. Человек ещё не имеет необходимого состояния, и никакие законы не могут его дать: «Мыслители провозглашают общие законы, т.е. такие правила, что все вдруг сделаются счастливыми, безо всякой выделки, только бы эти правила наступили. Да если б этот идеал и возможен был, то с *недоделанными* (курсив автора. – С.П., С.К.) людьми не осуществились никакие бы правила, даже самые очевидные. ... С этой-то великодушной работы над собой и начинать надо» [2, т. 25, с. 47].

На богословском языке *недоделанные люди* называются *страстными, удобонаклонными ко греху*. В своей футурологии Достоевский исходит из мысли о несовершенстве человека и его постепенном избавлении от страстности. При существующем положении вещей ожидаемых результатов не принесёт даже христианский проект, потому что люди готовы к реализации его высоких идей меньше всего. В своей сущности христианство больше, чем социальный институт. Его предназначение не устроить безбедное существование, а переродить человека, после чего тот естественным порядком вырабатывает гуманные формы общественной жизни.

В черновых набросках к роману «Бесы» князь Мышкин высказывает фундаментальную мысль художественной антропологии Достоевского: «Мы, очевидно, существа переходные, и существование наше на земле есть, очевидно, непрерывное существование куколки, переходящей в бабочку» [2, т. 11, с. 184]. Переход будет долгим: «сделаться человеком разом» невозможно, – предупреждает Достоевский [2, т. 25, с. 47]. И эта невозможность одновременно онтогенетическая и филогенетическая. Ни отдельный человек, ни человеческий род не способны измениться к лучшему мгновенно, через директивно спущенные сверху правила. В человека нужно *выделаться*. Этим, по сути, окказиональным словом, контекстуально антонимичным глаголу *сделаться*, Достоевский подчёркивает интенсивность и сложность процесса становления подлинно человеческого существа.

Семантика глагола *выделаться* поддерживается прилагательным *великодушная (работа над собой)*, употребляющимся в устаревшем значении, антонимичном семантике слова *малодушный: великодушие* – «доблесть, неустранимость, твёрдость духа» [4, с. 70]. Слова *выделаться* и *великодушная* призваны показать, что переход к новому качеству потребует мужества и терпения. И будет он не только длительным, но и мучительным.

Порядочный человек

Эксплицированная в культурном концепте «человек» этика антропоцентрического гуманизма видит в порядочности (нравственности) пик духовного развития. Слова *(высоко)порядочный, (высоко)нравственный* обозначают качества, не подразумевающие восходящую градацию. Заглядывая в жизнь порядочного человека, герой Достоевского открывает в ней нечто противоположное порядочности. Подпольный человек утверждает, что воспоминаний, которые «даже и себе человек открывать боится, ... у всякого порядочного человека довольно-таки накопится» («Записки из подполья») [2, т. 5, с. 122]. Эти размышления подпольного человека, основанные, очевидно, на опыте самого Достоевского, заставляют его отказать порядочности в праве занимать вершину иерархии добродетелей.

Тема принципиальной недостаточности порядочности мимоходом затрагивается Разумихиным в романе «Преступление и наказание». Самоаттестация Разумихина, представившегося зашедшему к Раскольникову артельщику *Вразумихиным*, выдаёт в нём резонёра. Фамилия *Вразумихин*, образованная от одного из членов

видовой пары *вразумить/вразумлять*, несёт смысл «вразумлённый» («вразумляющий»). Через Разумихина Достоевский артикулирует собственные идеи: «Ну, так чем же тут гордиться, что порядочный человек? Всякий должен быть порядочный человек, да ещё почище» [2, т. 6, с. 162]. Достоевский обрывает фразу, словно бы предоставляя читателю возможность самостоятельно подумать о том, что же может быть *почище* порядочности.

По Достоевскому, порядочный человек «не доделан». Максимум, на что он способен, – это создание цивилизованного общества европейского типа. Цивилизация же в аспекте отношения к человеку не слишком отличается от варварства. Наблюдая отсутствие реакции ведущих европейских государств на жестокость турок в Болгарии, Достоевский пишет: «Да будут прокляты эти интересы цивилизации, и даже самая цивилизация, если, для сохранения её, необходимо сдирать с людей кожу. Но, однако же, это факт: для сохранения её необходимо сдирать с людей кожу!» [2, т. 25, с. 44]. Позиция невмешательства обусловлена «интересами цивилизации» – интересами тех самых «порядочных» людей, из которых состоят правительства этих стран.

Ущербность цивилизации, по мнению Достоевского, не столько в том, что её стремление к материальному благополучию создаёт кризисные ситуации и провоцирует преступления. Цели основанной на философии гедонизма цивилизации препятствуют развитию личности. Реформаторов цивилизаторского направления Достоевский предупреждает: если оставить человека «в раздробленном на личности состоянии, то вы дальше *брюха* (курсив автора. – С.П., С.К.) ничего не получите» [2, т. 20, с. 192]. Ничего не получится, потому что закон обособленной личности требует непременно удовлетворения своих желаний и признаёт это требование разумным и нравственным, согласным с человеческой природой. Достоевский употребляет просторечное слово *брюхо* в качестве метонимии физиологических потребностей – материальных благ, услуг, удобств. Социализм нигилистического толка, отрицая духовные и эстетические потребности, загоняет человека в рамки, слишком узкие для раскрытия его природы. Достоевский отстаивает актуальность библеизма *не хлебом единым*, осмысляя человека с позиций аскетики.

Крайне интересные мысли аскетического характера высказывает Разумихин. Сам он, кстати, крайне неприхотлив и терпим к внешним обстоятельствам: «Он мог квартировать хоть на крыше, терпеть адский голод и необыкновен-

ный холод» [2, т. 6, с. 44]. В антропологическом аспекте большое значение приобретает рассказ Разумихина о Прасковье Павловне Зарницыной – квартирной хозяйке Раскольниковова: «Тут втягивает; тут конец свету, якорь, тихое пристанище, пуп земли, трёхрыбное основание мира, эссенция блинов, жирных кулебяк, вечернего самовара, тихих воздыханий и теплых кацавеек, натопленных лежанок, – ну, вот точно ты умер, а в то же время и жив, обе выгоды разом!» [2, т. 6, с. 161]. Здесь вовсе не обличение мещанства или ограниченности конкретной женщины. За шуточной манерой изложения скрыта важная для Достоевского святоотеческая мысль: чрезмерно заботящийся о телесных нуждах человек духовно мёртв.

Слова героя дублируются авторской характеристикой хозяйки: «Была она толста и жирна, черноброва и черноглаза, добра от толстоты и от лености» [2, т. 6, с. 93]. В госпоже Зарницыной изображена редукция человеческой природы к биологии. Доброта ленивого, живущего исключительно физиологическими удовольствиями человека не подлинная. Это «доброта» сытого и сонного хищника.

Более определённо Разумихин высказывается в адрес Зосимова: «Ты нервная, слабая дрянь, ты блажной, ты зажирел и ни в чем себе отказать не можешь, – а это уж я называю грязью, потому что прямо доводит до грязи» [2, т. 6, с. 160]. Связь телесного и духовного состояний является краеугольным камнем православной антропологии и аскетики. Согласно аскетическому опыту, комфорт расслабляет тело, и при этом ослабевает в добродетелях душа. Именно поэтому удивляется Разумихин тому, что спящий на перине Зосимов по ночам встаёт к больным. И тут же с дерзновением святого Разумихин пророчествует: «Года через три ты уж не будешь вставать для больного» [2, т. 6, с. 160]. Достоевский устами своего героя полемизирует с социальными проектами, видящими прогресс общества исключительно в улучшении материальной стороны жизни и пытающимися «всё на один вопрос о комфорте свести!» [2, т. 6, с. 197].

Комментируя преступление Раскольниковова, аналогичную позицию высказывает и следовательно Порфирий Петрович: «Тут дело фантастическое, мрачное, дело современное, нашего времени случай-с, когда помутилось сердце человеческое; когда цитруется фраза, что кровь «освежает»; когда вся жизнь проповедуется в комфорте» [2, т. 6, с. 348]. Контекстуально синонимизируются, приобретая тождественную ценностную окраску, выражения *кровь «освежает»* и *жизнь в комфорте*. Г.М. Фридендер и Г.В. Коган связывают первую фразу с аллю-

зией на хронику газеты «Голос», где объяснялось, что во время войны медленное кровообращение Наполеона от возбуждения нормализовывалось [5, с. 572]. Текст романа даёт больше оснований видеть здесь намёк на мальтузианство, социал-дарвинизм и новейшие политэкономические идеи. Слово *освежает* использует Раскольников, размышляя об участии увиденной им пьяной девушки: «Такой процент, говорят, должен уходить каждый год... куда-то... к черту, должно быть, чтоб остальных освежать и им не мешать» [2, т. 6, с. 43].

В любом случае речь идёт о попытке легитимации в общественном сознании мысли о закономерности, социальной обусловленности преждевременной смерти некоторого количества людей. Достоевский старается показать, что Европа во имя цивилизации и повышения качества жизни дошла до апологии человеческих жертвоприношений. Комфорт же опасен, почти противопоказан человеку. Взятый за основание и цель человеческого бытия, он приводит к растлению души, общему падению нравов и аберрации сознания, узаконившего такое положение дел.

В контексте размышлений о цивилизованности и порядочности интересна оппозиция *недоделанный человек vs поконченный человек* – выражение, которым характеризует себя Порфирий Петрович: «Я поконченный человек, больше ничего» [2, т. 6, с. 352]. В лексиконе Порфирия Петровича слово *поконченный* приобретает контекстуально обусловленное значение ~ ‘достигший предела своего духовного развития’: «Человек есть на земле существо только развивающееся, след<овательно>, не оконченное, а переходное» [2, т. 20, с. 173]. Порфирий Петрович, безусловно, порядочен, но он достиг своего эволюционного потолка и не способен стать *новым человеком*. Как нам представляется, *новые люди*, о которых говорится в эпилоге романа, и есть антропологический максимум Достоевского.

Должное состояние человека

В первой половине 1860-х гг. Достоевский задаётся вопросом: «Но если человек – не человек, то какова же будет его природа?» [2, т. 20, с. 174]. На земле узнать предельное состояние человека невозможно. Это тайна будущего века. Тогда же Достоевский формулирует свой антропологический максимум в заповеди, уводящей этические границы неизмеримо дальше порядочности: «Возлюби всё, как себя» [2, т. 20, с. 174]. Перфекционистская этика Достоевского видит в порядочности исходный пункт самосовершенствования.

В религиозной системе духовно-нравственных координат контекстуальная семантика разумихинского слова *почище* эквивалентна семантике слова *святой*. Отвергая «естественные», цивилизаторские средства изменения человека и общества (разум, прогресс, науку), Достоевский указывает на сверхъестественный путь стяжания благодати, основанный на православной антропологии, суть которой можно передать фразой святителя Василия Великого: человек – это тварь, получившая «повеление стать богом» [6]. В православной традиции это преобразование называется обожением. О.А. Богданова говорит о «первостепенной роли в концепции Достоевского исихастского идеала «обождения» в качестве не только духовно-душевного, но и физического изменения человека» [7, с. 64]. Нас интересует обожённый человек в социальном аспекте.

Каким должен быть земной духовно-нравственный облик человека, Достоевский указывает в письме к А.Н. Майкову от 16 (28) августа 1867 г.: «Деизм нам дал Христа, то есть до того высокое представление человека, что его понять нельзя без благоговения и нельзя не верить, что это идеал человечества вековечный!» [2, т. 28, кн. 2, с. 210]. Полнота человеческой природы явлена во Христе. Это и есть конечная цель преобразования для каждого. Человек, способный к осуществлению всемирного братства, должен стать радикально новым существом: «Итак, кто во Христе, тот новая тварь» (2 Кор. 5:17). Богословский термин «новая тварь» антонимичен выражению *недоделанные люди*.

Прообразы *новых*, «доделанных», людей намечены уже в «Преступлении и наказании» – Родион Раскольников и Соня Мармеладова [8]. Достигший состояния богоподобия человек изображён в старце Зосиме, прототипами которого стали русские святые: святитель Тихон Задонский и преподобный Амвросий Оптинский. Зосима поучает: «Любите человека и во грехе его, ибо сие уж подобие Божеской любви и есть верх любви на земле» [2, т. 14, с. 289]. Образец такой любви явлен в самом старце. Выслушав исповедь убившей мужа женщины, он, по его выражению, *умилился*, т.е. сжалился над ней, почувствовал сострадание [2, т. 14, с. 48]. Это и есть проявление любви Божией в человеке, потому что человек восстановил в себе образ Божий.

Слова Зосимы выражают сокровенные чаяния Достоевского: «Народ встретит атеиста и поборет его, и станет единая православная Русь» [2, т. 14, с. 285]. В романе «Бесы» Достоевский показывает, что русский либеральный атеизм очень хорошо понимает роль нацио-

нального религиозного подъёма. По мнению Степана Трофимовича Верховенского, Россия живёт отстало, «под покровительством Божиим», – иронически замечает он, демонстративно переходя на французский язык: «По-моему, и довольно бы для России, pour notre sainte Russie» (нашей Святой Руси. – С.П., С.К.) [2, т. 10, с. 32]. Смена языкового кода демонстрирует европейский ракурс, с которого персонаж смотрит на предмет речи. Другой герой романа, литератор с западническим образом мыслей Кармазинов, наряду с презрением к Святой Руси высказывает и опасения: «Святая Русь – страна деревянная, нищая и... опасная» [2, т. 10, с. 287]. У Святой Руси иная природа – непонятная и враждебная теориям прогресса и духу западной цивилизации. Эта непонятная иная и вызывает у «цивилизованного» человека смешанные чувства страха и презрения.

Святая Русь не венец историософской концепции Достоевского. Благодатная энергия Святой Руси призвана объединить все народы. В этом заключается историческая миссия России, и выполнение её зависит не от государственных решений, а от каждого человека, потому что к теозису призваны все. Достоевский полагает, что внутреннее изменение человека должно со временем выступить источником преобразования мира через уподобление этики государства этике христианина: «Надо, чтоб и в политических организациях признаваема была та же правда, та самая Христова правда, как и для каждого верующего» [2, т. 25, с. 51].

На наш взгляд, идеи Достоевского о Святой Руси и всемирном братстве не укладываются в рамки традиционного хилязма. Мировая гармония не «рай на земле» в том виде, в каком представляет его секулярное сознание. Это сакральное пространство спасающегося человека. Во вселенской гармонии не будет сердечного ожесточения, эгоизма, уныния. Но в ней, видимо, остаётся место скорбям и проблемам, а следовательно, и жертве: «Жертвовать и жертвовать, тогда все взаимно и будут счастливы, ибо предположить, что все Христы» [2, т. 11, с. 106]. Видение в ближнем образа Божия, Христа, создаёт предпосылки для счастливой жизни. И только тогда, когда все люди придут в состояние богоподобия, когда все будут «как Христы», разрешатся все вопросы и наступит абсолютная гармония – рай на земле [2, т. 11, с. 193].

Святой Руси, населённой Макарами Долгорукими, Зосимами, Алёшами Карамазовыми, противопоставлен цивилизационный культ земного счастья и материального прогресса. По Достоевскому, вектор движения гедонистической цивилизации направлен в тупик, потому

что её антропологические установки противоречат Божьему замыслу о человеческой природе. В норме человек стремится ко всеобщему счастью и хочет сделать других «точно такими же самоправными и счастливыми личностями. Это закон природы; к этому тянет нормально человека» («Зимние заметки о летних впечатлениях») [2, т. 5, с. 79]. При этом национальные характеры по-разному соотносятся с этой нормой. Достоевский даже считает, что жертвенное служение русского народа не столько воспитано Православием, сколько коренится в его духовно-нравственной конституции. «Закон природы» у Достоевского совпадает с русской природой, принципиально отличающейся от западноевропейской: «Но оказывается, что сделать братства нельзя, потому что оно само делается, даётся, в природе находится. А в природе французской, да и вообще западной, его в наличности не оказалось, а оказалось начало личное, начало особняка, усиленного самосохранения, самопромышления, самоопределения в своём собственном Я» («Зимние заметки о летних впечатлениях») [2, т. 5, с. 79].

Заключение

Мысль Достоевского о Святой Руси целиком и полностью исходит из его религиозных антропологических представлений. Без своей метафизической подкладки она может быть проинтерпретирована как агрессивный панславизм или русский колониальный империализм. С нашей точки зрения, и то, и другое недостаточно аргументировано.

Обращаясь к глубинам человеческой природы, Достоевский обнаруживает в них демоническое начало. Именно поэтому, в соответствии с представлениями писателя, любые социально-политические проекты, отвергающие мистическое измерение человеческой личности, обречены на неудачу. Все гуманистические философии вырождаются в итоге в насилие над несогласными. Только преображённый благодатью Христовой любви человек сумеет претворить идеи братства в жизнь.

Представления о мистической природе человека и его безграничной духовной пластичности порождают в романном творчестве писателя полярные типы людей. Их градация восходит от подпольного человека («Записки из подполья») и князя Валковского («Униженные и оскорблённые») к князю Мышкину («Идиот») и Макару Долгорукому («Подросток»), а заканчивается на старце Зосиме («Братья Карамазовы»). Старец Зосима – полноправный представитель Святой

Руси, но в антропологическом смысле его генеалогия берёт начало в подпольном человеке.

В ходе проведённого исследования была реконструирована неочевидная связь антропологии Достоевского, имплицитно представленной на уровне концептуальной информации его художественных текстов, с богословскими (православными) воззрениями на человека и цивилизационными типами человеческого общежития. *Недоделанный* (падший) человек как наиболее обобщённая антропологическая характеристика у Достоевского включает два аксиологически противопоставленных подтипа – *подпольный* и *порядочный* с его вариацией *поконченный*, в которой подчёркивается динамический аспект антропологической концепции писателя. *Порядочный* человек, будучи производным от падшей человеческой природы и не преодолевшим её ограничений, усовершенствовать современное цивилизованное общество не способен. В оппозиции к *недоделанному* находится *новый человек*. Идеалы Святой Руси, реализованные в жизни *нового человека*, со временем должны привести к появлению критической массы этих *новых людей*, самим наличием которых и возникнет общество, основанное на принципах христианской любви и социального согласия.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-012-00310.

IDEALS OF «HOLY RUSSIA» IN THE ANTHROPOLOGICAL CONCEPT OF F.M. DOSTOEVSKY: EXPERIENCE IN LINGUOPHILOSOPHICAL HERMENEUTICS

S.G. Pavlov, S.B. Koroleva

The article is devoted to the anthropological concepts of F.M. Dostoevsky in the context of the ideologeme «Holy Russia». The writer's literary and journalistic texts were analyzed as an ideological unity. The research method is linguo-hermeneutic reconstruction carried out in a wide socio-cultural and biographical context. The main results of the article are as follows: 1) the present state of a person is determined by F.M. Dostoevsky as «unfinished»; 2) a person in such a state is not able to find a formula for personal and social happiness; 3) a person is called to become a new being; 4) only transformed into the state of holiness a person will be able to transfer the ideas of brotherhood into reality.

Keywords: F.M. Dostoevsky, «Russian idea», ideals of «Holy Russia», linguistic picture of the world, the concept of «man», linguistic hermeneutics, cultural, historical and biographical context.

References

1. Tarasov B.N. Dostoevsky's Christian Anthropology and the Modern World // Dostoevsky and the twentieth century: in 2 v. V. 1. M.: IMLI RAN, 2007. P. 715–749.
2. Dostoevsky F.M. Complete works: in 30 v. L.: Science, 1972–1990.
3. Saint Tikhon of Zadonsk. Christian Instruction [Electronic resource]. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Tihon_Zadonskij/nastavlenie-hristianskoe/ (Date of access: 25.08.2021).
4. Dyachenko G., Archpriest. The Complete Church Slavonic Dictionary. M.: Publishing Department of the Moscow Patriarchate, 1993. 1159 p.
5. Friedlander G.M., Kogan G.V. Comments: F.M. Dostoevsky. Crime and punishment // Dostoevsky F.M.

Список литературы

1. Тарасов Б.Н. Христианская антропология Достоевского и современный мир // Достоевский и XX век: в 2 т. Т. 1. М.: ИМЛИ РАН, 2007. С. 715–749.
2. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Л.: Наука, 1972–1990.
3. Тихон Задонский, свт. Наставление христианское [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://azbyka.ru/otechnik/Tihon_Zadonskij/nastavlenie-hristianskoe/ (дата обращения: 25.08.2021).
4. Дьяченко Г., прот. Полный церковнославянский словарь. М.: Изд. отд. Моск. Патриархата, 1993. 1159 с.
5. Фридлендер Г.М., Коган Г.В. Комментарии: Ф.М. Достоевский. Преступление и наказание // Достоевский Ф.М. Собрание сочинений в 15 томах. Т. 5. Л.: Наука, 1989. С. 523–574.
6. Григорий Богослов, свт. Слово 43. О Василии, архиепископе Кесарии Каппадокийской [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://azbyka.ru/otechnik/Grigoriy_Bogoslov/slovo/43 (дата обращения: 25.08.2021).
7. Богданова О.А. Мотив «Рая на земле» в художественном сознании Ф.М. Достоевского // Новый филологический вестник (РГГУ). 2016. № 1 (36). С. 64–75.
8. Павлов С.Г., Королева С.Б. Раскольников на пути к «Святой Руси»: герменевтика образа в романе Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова. 2021. Вып. 2 (54). С. 43–57.

Collected works in 15 volumes. Vol. 5. L.: Science, 1989. P. 523–574.

6. Gregory the Theologian, svt. Word 43. About Basil, Archbishop of Caesarea of Cappadocia [Electronic resource]. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Grigoriy_Bogoslov/slovo/43 (Date of access: 08.25.2021).
7. Bogdanova O.A. The motif of «Paradise on Earth» in the artistic consciousness of F.M. Dostoevsky // New Philological Bulletin (RSUH). 2016. № 1 (36). P. 64–75.
8. Pavlov S.G., Koroleva S.B. Raskolnikov on the way to «Holy Russia»: Hermeneutics of the image in F.M. Dostoevsky's novel «Crime and Punishment» // Bulletin of the Nizhny Novgorod State Linguistic University named after N.A. Dobrolyubov. 2021. Issue 2 (54). P. 43–57.